

**ЛИЧНОСТЬ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО КАК ТЕКСТ И МЕТАТЕКСТ
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Масаев Михаил Владимирович,
доктор философских наук, профессор
Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий
и дизайна (структурное подразделение) Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Аннотация. Целью данной работы является показ русского мыслителя Н.Я. Данилевского не только как автора «России и Европы» и основателя теории культурно-исторических типов, но и как мыслителя с более широким спектром научных интересов, в частности естествоиспытателя и пропагандиста идей социальной справедливости. В соответствии с целью очевидны и задачи – представления и чёткого осознания Н.Я. Данилевского как в некотором роде социалиста, а также биолога и философа истории. Новизна настоящего исследования в том, что до последнего времени в таком спектре вопросов Н.Я. Данилевский не изучался. Тем более, что «... социальные науки, как подчёркивает один из современных исследователей проблемы человека как «текста», – все чаще обращаются к языку как к методологическому основанию самой науки».

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, текст, метатекст, социалистические идеи, биология, философия истории.

Annotation. The purpose of this work is to show the Russian thinker N.Y. Danilevsky not only as the author of «Russia and Europe» and the founder of the theory of cultural and historical types, but also as a thinker with a wider range of scientific interests, in particular, a naturalist and propagandist of the ideas of social justice. In accordance with the goal, the tasks are also obvious – the presentation and clear understanding of N.Y. Danilevsky as a kind of socialist, as well as a biologist and philosopher of history. The novelty of this study is that, until recently, N.Y. Danilevsky was not studied in such a range of issues. Moreover, “... the social sciences, as one of the modern researchers of the problem of man as a “text” emphasizes, are increasingly turning to language as the methodological basis of science itself.”

Key words: N.Y. Danilevsky, text, metatext, socialist ideas, biology, philosophy of history.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323

Постановка проблемы. «Метафорический перенос понятия текста из лингвистики в другие области научного знания становится распространенным: биологи прочитывают природу как текст, генетики ломают головы над генетическим кодом как текстом, а эпистемологии предлагают посмотреть на человека как на сложный многоуровневый текст. Понять другого человека можно, правильно «считывая» его картину мира» [6, С. 108].

«Социальные науки, – подчёркивает один из современных исследователей проблемы человека как «текста», – все чаще обращаются к языку как к методологическому основанию самой науки. Корни широкого понимания языка, опирающиеся на культурно-деятельностное и социально-психологическое его представление мы можем найти в работах Л.Б. Выготского, М.М. Бахтина, Л.П. Якубинского, Ю.М. Лотмана и др. Обращения к языковому материалу усилились в общенаучном контексте постструктурализма и постмодернизма, причем таким образом, что их можно рассматривать в качестве попытки перехода к новой научной парадигме, как лингвистический или дискурсивный переворот. Новая парадигма опирается на «онтологию гуманитарного мира», которая противопоставляется традиционной «онтологии физического мира». Как верно отметил М.Л. Макаров, на смену «старой механистическо «онтологии Ньютона» приходит новая дискурсивная «онтология

Выготского» [Цит. по: 6, С. 110]. Таким образом, наука как бы сдвигается от изучения объектов материального мира, в котором мы живем, к изучению нас самих» [6, С. 110].

Поэтому в свете данного комплекса рассуждений великого русского мыслителя Николая Яковлевича Данилевского можно рассматривать как текст и метатекст.

В последнее время о Н.Я. Данилевском говорят всё больше и больше. Но знают о нём по-прежнему мало. Долгое время на него смотрели лишь как на идеолога панславизма, оправдывавшего «великодержавно-шовинистические устремления царизма» [5, С. 358]. При этом советская наука совершенно игнорировала тот факт, что Н.Я. Данилевский был пропагандистом социалистических идей и членом кружка М.В. Петрашевского.

Даже в соответствующих статьях Советского энциклопедического словаря о Н.Я. Данилевском ни слова [12, С. 993; 13, С. 993].

Мало кто из «официальных» (а, возможно, и неофициальных лиц) знают, что, по базовому образованию, Н.Я. Данилевский был биологом, тесно сотрудничал с К.М. Бэрром и написал целую книгу о теории Чарльза Дарвина. Н.Я. Данилевского преимущественно знают лишь как автора работы «Россия и Европа» [3]. Именно вокруг этой работы и идут в последнее время все разговоры о Н.Я. Данилевском, в частности, чтения о Н.Я. Данилевском с 1994 года регулярно проводимые в Крыму. На одном из таких чтений в 2003 году довелось принять участие и автору этих строк и выступить на тему «Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии)» [9, С. 52-54].

Объектом работы является русский мыслитель Н.Я. Данилевский как текст и метатекст, предметом – некоторые аспекты его творчества, в частности – биология, философия истории и политология.

Целью данной работы, таким образом, является показ русского мыслителя Н.Я. Данилевского не только как автора «России и Европы» и основателя теории культурно-исторических типов, но и как мыслителя с более широким спектром научных интересов, в частности естествоиспытателя и пропагандиста идей социальной справедливости.

В соответствии с целью очевидны и задачи – представления и чёткого осознания Н.Я. Данилевского как в некотором роде социалиста, а также биолога и философа истории.

Новизна настоящего исследования в том, что до последнего времени в таком спектре вопросов Н.Я. Данилевский не изучался.

Изложение основного материала. Современники же познакомились с Н.Я. Данилевским как с петрашевцем и пропагандистом идей утопического социализма. С. М.В. Петрашевским Н.Я. Данилевский познакомился в знаменитом Царскосельском лицее, в который он поступил в 1836 году. Скорее всего, ему удалось видеть там самого А.С. Пушкина, который в числе одиннадцати первых лицеистов посетил свою альма-матер 19 октября 1836 г. Вместе с Н.Я. Данилевским в лицее учились такие петрашевцы как Н.А. Спешнев, А.П. Беклемишев, а также М.Е. Салтыков-Щедрин. Среди петрашевцев Н.Я. Данилевский слыл за человека, который лучше всех знает теорию Фурье [1, С. 17]. Арестован был Н.Я. Данилевский летом 1849 г. во время работы вместе с П.П. Семеновым-Тянь-Шанским в Тульской губернии по исследованию границ черноземной полосы России, физического и химического состава её почв, её растительности. Арест не так сильно повлиял на судьбу Н.Я. Данилевского и не привёл к таким последствиям, как у самого М.В. Петрашевского или Ф.М. Достоевского, то есть к показательной «казни» и каторге. Н.Я. Данилевский останется биологом, но о политике задумается ещё более серьёзно, чем в составе кружка М.В. Петрашевского. Оказавшись в куртине между бастионами Трубецкого и Екатерины в каземате № 14 Петропавловской крепости, Н.Я. Данилевский, оставив на время биологию, занялся собственной защитой и ... защитой учения Фурье, поскольку именно распространение учения Фурье и инкриминировалось ему как петрашевцу в первую очередь. Н.Я. Данилевскому удалось убедить следователей Военно-судной комиссии в том, что учение Фурье носит «мирный характер» и не противоречит ни одной из основ государственного строя России. При этом даже после четырехмесячного заключения в крепости он не переставал заявлять, что «считает учение Фурье справедливым» [1, С. 21]. Такая твёрдая уверенность Н.Я. Данилевского в своей невинности и справедливости своей позиции вынудила

Военно-судную комиссию признать его невиновным, и 10 ноября 1849 г. он был по докладу военного министра А.И. Чернышева освобождён из Петропавловской крепости. В крепости Н.Я. Данилевский представил следствию подробную справку об учении Фурье, объёмом более полутора печатных листов. Один из членов следственной комиссии Я.Н. Ростовцев позже даже признавался, «что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами» [1, С. 19]. При выходе из крепости Н.Я. Данилевский получил сто рублей (деньги по тем временам весьма немалые) на приобретение зимней одежды. Но в просьбе о защите уже подготовленной диссертации по теме «Орловская флора» ему было «высочайше» отказано. Остепенённым ученым-биологом Н.Я. Данилевский так и не стал. Но и обыкновенным ботаником или ихтиологом-практиком он не остался. Он позволил себе вступить в полемику с самим Чарльзом Дарвином. С Карлом Марксом Н.Я. Данилевский так не полемизировал, но и учение его бывший узник Петропавловской крепости, дослужившийся в царской администрации до тайного советника, уже не пропагандировал. Лишь в статье «Происхождение нашего нигилизма» Н.Я. Данилевский упоминает социалистические идеи Маркса, как одно из модных и бездумных подражаний по принципу: «Раз это самое последнее слово Запада, значит, самое верное» [4]. Здесь уже начинает просматриваться недоверие к Западу, как чужеродной России цивилизации. Но с социалистическими идеями Н.Я. Данилевский вряд ли расстался, хотя активно он их больше не пропагандировал. В конечном счете, Н.Я. Данилевский скорее всего привёл свои социалистические убеждения в порядок, переосмыслив Священное Писание. Как вспоминал его друг П.П. Семенов-Тянь-Шанский, «книга, с которой он не разлучался (за время заключения в Петропавловской крепости – М.М.) и которую он изучал с необыкновенным вниманием, была Священное Писание (Евангелие и Библия). Вспомнил он чистые верования своих первых дней юности...

Пылкое увлечение теорией Фурье уступило место спокойному анализу социалистических учений ...» [14, С. 217-218]. Строго-то говоря, социальная доктрина Иисуса Христа и его последователей, апостолов, прежде всего, Павла, это не что иное, как одно из социалистических учений, исторически второе после социального учения древнегреческого философа Платона. Но учение это никто, кроме, пожалуй, Карла Каутского в его «Происхождении христианства» и «Платоновском и древнехристианском социализме» пропагандировать не осмеливался. Хотя кое-какие вопросы апостол Павел решал лучше, чем в Готской программе германских социал-демократов. Не случайно Карл Маркс смеялся над «распределением по труду» авторов Готской программы [8, С. 16-21], но поправить их в духе апостола Павла атеист К. Маркс не мог, а дать лучшее решение оказался не в состоянии и завершил свою «Критику Готской программы» словами «*Dixi et salvavi animam meam*» («Сказал и спас свою душу») [8, С. 32].

Вера в Бога определила и отношение Н.Я. Данилевского к социалистическим учениям, и к Чарльзу Дарвину, «вся гипотеза» которого, по словам учителя и соратника Н.Я. Данилевского в биологической науке Карла Максимовича Бэра «устраняет Творца» [1, С. 43].

Мысль К.М. Бэра, которую полностью разделял и Н.Я. Данилевский, при всей её очевидной справедливости, если даже не банальности, пожалуй, не была самой ценной в труде Н.Я. Данилевского против Ч. Дарвина. Гораздо значительнее для науки в этом двухтомном, так и не оконченном труде Н.Я. Данилевского было то, что в условиях только что зарождающейся генетики, он нашел аргументацию, опровергающую эволюционную гипотезу. А то, что генетика и дарвинизм взаимно исключают друг друга, хорошо понимало советское руководство, преследуя генетиков. Сейчас, правда, на взаимоисключение генетики и дарвинизма перестали обращать внимание, дойдя до того, что Советский энциклопедический словарь заговорил о том, что генетика «тесно связана с эволюц. учением» [2, С. 287]. Повторяем, что в условиях отсутствия бесспорных генетических доказательств несостоятельности гипотезы Дарвина Н.Я. Данилевский нашел свою оригинальную аргументацию против великого заблуждения великого естествоиспытателя. И это не только критика «борьбы за существование», которую так называемые «социал-дарвинисты» сумели довести до абсурда, но и доказательство того, что изменения видов, все трансмутации происходят как внутривидовые явления и

поэтому ни в природе, ни в искусственных условиях никогда не было случая превращения одного вида в другой [1, С. 42]. Интересно, что современным исследователям так и не удалось доказать «происхождение человека от обезьяны с помощью экспериментов на основе «трудовой теории Энгельса». Чего только стоят вся жизнь и труды российского философа Генриха Хрустова, у которого попытки доказать «дарвинизм» вылились в «теорию факта» [11; 15]. Книга Н.Я. Данилевского против Дарвина встретила резкую критику со стороны К.А. Тимирязева, чья позиция была высоко оценена В.И. Лениным в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» [7, С. 139]. В целом же о работе Н.Я. Данилевского против Дарвина забыли, как забыли и мнение более авторитетного Льва Толстого, расценивавшего учение Дарвина как «нелепость» [Цит. по: 1, С. 45]. К сожалению, в сегодняшнем оскотинивающемся мире многим нравится, что они произошли от животных, в частности от обезьян. Хочется надеяться, что в борьбе за более человечный мир теоретические труды биолога Н.Я. Данилевского со временем займут более достойное место.

Только в таком энциклопедическом уме могла родиться книга «Россия и Европа» [3], основной вывод которой о том, что в истории человечества нет однолинейного, однонаправленного восходящего эволюционного процесса, стал новым словом в историософии, породившим впоследствии «Закат Европы» Освальда Шпенглера (1880-1936) и «Постижение истории» Арнольда Тойнби (1889-1975), а также социокультурную систему Питирима Сорокина (1889-1968).

Практически Н.Я. Данилевский предложил новую форму «построения истории»: история не есть прогресс некоего общего разума, некоей общей цивилизации, ибо таковой просто нет, а есть развитие отдельных культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, то есть исторически сложившиеся, группы людей.

Все культурно-исторические типы одинаково самобытны в том смысле, что только из самих себя – из особенностей своей духовной природы и внешних условий жизни – черпают содержание своей жизни, хотя и не всегда реализуют его с одинаковой полнотой и многосторонностью. Человечество может развиваться только «разноместно» и «разновременно», актуализируя различные стороны своего культурно-деятельностного существования. Н.Я. Данилевским было выделено четыре типа такой деятельности: религиозная, собственно культурная (наука, промышленность, искусство), политическая и социально-экономическая. Каждый культурно-исторический тип в соответствии со своими исходными данными мобилизует усилия в одной или нескольких из этих сфер, чем и определяется его своеобразие, направление развития и историческое призвание – вклад в культурную копилку человечества. В случае соединения четырёх видов деятельности достигается провиденциальная цель истории, поскольку этот синтез и обеспечивает прохождение «исторического поля во всех направлениях».

Идея о самобытности и самодостаточности каждого культурно-исторического типа для Н.Я. Данилевского была главной, которая и обосновывала неправомочность задачи синтеза Запада и России – задачи, которая увлекала в своё время и западников, и славянофилов. И тем не менее книгу Н.Я. Данилевского, которую его друг Н.Н. Страхов называл «катехизисом славянофильства», всё-таки не следует однозначно связывать с последним. Борясь с западничеством как «болезнью русской интеллигенции» Н.Я. Данилевский не принимал ни в какой форме идеи универсальной европейской цивилизации и не искал в ней места для России, а, в отличие от ранних славянофилов, утверждавших, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как истинный носитель общечеловеческого, Н.Я. Данилевский считал Россию носительницей лишь особого культурно-исторического типа, рядом с которым могут иметь место и развиваться и другие типы [Подробнее об этом см.: 10, С. 176-178].

Самый молодой и перспективный, по Н.Я. Данилевскому, тип – это славянский, которому Запад не дал сформироваться в полной мере ни во время жизни Н.Я. Данилевского, ни в настоящее время. «Нельзя исключить, – пишет Б.П. Балуев, – что интеграция в НАТО и Европейский Союз с её неизбежными последствиями – нарастанием экономической кабалы от Запада, утратой политической независимости, вытеснением национальной культуры западным суррогатом, в конце концов вызовет

новый всплеск национального и славянского самосознания в славянских странах и усиление их взаимного притяжения. Нельзя забывать, что именно подобный натиск западнизации в период господства в славянских землях немцев, австрийцев, итальянцев вызвал в 30-40-х годах XIX века волну славянского возрождения. И таким образом, мрачное предположение, что западные и южные славяне уже растворились в европейской цивилизации и окончательно утратили свою славянскую самобытность, что славянский культурно-исторический тип реализовался лишь в «русской цивилизации» может в который раз оказаться несостоятельным. И тогда окажутся правы те, кто считает, что надежды Данилевского не могут быть погашены сиюминутной политической ситуацией, которая является именно сиюминутной в масштабах исторического времени, даже если длится несколько лет. Ведь были уже в истории славянского мира подобные сиюминутные ситуации, которые, однако, сменялись противоположными тенденциями» [1, С. 270].

Выводы. Эти тенденции мы уже видели и на Украине (например, после прихода к власти В.Ф. Януковича). Эти тенденции рушат стену молчания вокруг имени Н.Я. Данилевского. Начало этому положило то, что и в России, и на Украине вспомнили его «Россию и Европу». Придёт время, когда творчество Н.Я. Данилевского вспомнят в полном объёме, а мировая славянская цивилизация, наконец, оформится не в виде возрожденной Организации Варшавского Договора, а в славянском федеративном союзе «в политической системе государств одного культурного типа» [1, С. 238-239], как об этом мечтал Н.Я. Данилевский.

Список литературы:

1. Балуев, Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 280 с.
2. Генетика // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 287.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесл. С.А. Вайгачева. – 4-е изд. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
4. Данилевский, Н.Я. Происхождение нашего нигилизма / Н.Я. Данилевский // Русь. – 1884. – 15 ноября; 1 декабря.
5. Данилевский, Н.Я. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 358.
6. Кривых, Л.В. Коммуникация: человек как «текст» / Л.В. Кривых // Противоречие и дискурс. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 108-122
7. Ленин, В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: ГИПЛ, 1958. – Т. 1. – С. 125-346
8. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 19. – С. 9-32
9. Масаев, М.В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Н.Я. Данилевский и русская идея в XXI веке (к 180-й годовщине со дня рождения). Памятные чтения. – Симферополь: ООО ТЦ «Московский мост», 2003. – С. 52-54
10. Масаев, М.В. Н.Я. Данилевский / М.В. Масаев // Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 304 с. – С. 176-178
11. Масаев, В.В. Теория факта в двух книгах или неудавшееся доказательство «трудовой теории» происхождения человеческого сознания Ф. Энгельса (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов). Рецензия на монографию: Хрустов Г.Ф. Теория факта. Кн. первая. Природа жизни и фактуальность знания. Кн. вторая. Создание фактуальности в знании / М.В. Масаев // Гілея: науковий вісник. – 2011. – № 50. – С. 747-750
12. Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) М.В. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 993.
13. Петрашевцы. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с. – С. 993.
14. Семёнов-Тян-Шанский, П.П. Мемуары / П.П. Семёнов-Тян-Шанский. – Петроград, 1917. – Т. I.

15. Хрустов, Г.Ф. Теория факта. Кн. первая. Природа жизни и фактуальность знания. Кн. вторая. Создание фактуальности в знании / Г.Ф. Хрустов; Под ред. засл. деятеля науки России, проф. Г.К. Ашина. Предисл. акад. РАН С.Л. Новоселовой. – М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений (университет), 2005. – 296 с.

УДК 130.2/008

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СО СТУДЕНТАМИ ВУЗОВ

Москаленко Максим Русланович,

кандидат исторических наук, доцент
Филиал Удмуртского государственного
университета в г. Нижняя Тура (г. Нижняя Тура);

Каргаполова Екатерина Сергеевна

старший преподаватель
Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург);

Юдин Иван Валерьевич,

кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

Аннотация. Культурно-историческая память общества является важным интеграционным механизмом, сплачивая людей вокруг общезначимых социальных идеалов и культурно-исторических событий. Воздействие на нее может активно использоваться в пропаганде и информационных войнах для создания у населения соответствующего представления о своем обществе, мобилизации масс на определенные политические действия. Оторванность определенных слоев современной молодежи от культурно-исторической памяти своего общества, распространение индивидуалистического мировоззрения и вестернизация молодежной субкультуры повышают ее уязвимость для антироссийской пропаганды и политических манипуляций. Все это делает очень значимым знакомство студентов с данной проблематикой.

Ключевые слова: культурно-историческая память, социальная безопасность, высшее образование, педагогическая работа со студентами.

Annotation. The cultural and historical memory of society is an important integration mechanism, rallying people around generally significant social ideals and cultural and historical events. The impact on it can be actively used in propaganda and information wars to create an appropriate idea of the population about their society, to mobilize the masses for certain political actions. The isolation of certain sections of modern youth from the cultural and historical memory of their society, the spread of an individualistic worldview and the westernization of the youth subculture increase its vulnerability to anti-Russian propaganda and political manipulation. All this makes it very important for students to get acquainted with this issue.

Key words: cultural and historical memory, social security, higher education, pedagogical work with students.

Постановка проблемы. Культурно-историческая память общества – это сложное, многоаспектное явление. Она проявляется на самых различных уровнях бытия человека, и во многом определяет его идентичность, а также является важным интеграционным механизмом для любого общества, сплачивая людей вокруг общезначимых социальных идеалов и культурно-исторических событий. От того, как функционируют в обществе механизмы культурно-исторической памяти и преемственности, во многом зависит его сплоченность и морально-нравственное здоровье.

Вопросы, связанные с трансляцией культурно-исторической памяти, получили разработку в научной литературе [5; 6]. Пристальное внимание исследователей получила такая проблематика, как взаимосвязь культурно-исторической памяти общества с его